

МОЙ ВОЛЕЙБОЛИСТ

Высота сетки

14 Милана Седина

Юнона Стангард

Юнона Стангард

Мой волейболист. Высота сетки

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой волейболист. Высота сетки / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Мне приказали скрыть судейский подлог. Я дала повтор в прямой эфир — и спасла матч «Локомотива». Теперь охота идет не за мячом, а за мной и записью, которую я не отдам. Я — Вера Соколова, режиссер спортивных трансляций. Он — Егор Медведев, капитан волейбольного клуба, два метра восемь сантиметров силы и упрямства. На площадке его называют Стеной. Когда в мою аппаратную врываются чужие люди, он становится стеной между мной и их кулаками. Мы вместе боремся за честную игру, но рядом с ним мне все труднее держать дистанцию. Его ладони надежнее любой брони, а нежность опаснее самого жаркого признания. Только те, кто покупает победы, не прощают правды. И следующий удар может достаться ему.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой волейболист. Высота сетки

Мой волейболист. Высота сетки
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

В узком чреве передвижной телевизионной станции пахло перегретым кремнием, озоном силовых блоков и горьким остывшим эспрессо. Двадцать четыре контрольных экрана видеостены слепили лицо сине-зелеными отблесками. Я сидела в режиссерском кресле, не чувствуя спины: четвертый сет выматывающего матча группового этапа «Финала шести» Суперлиги между «Локомотивом» и «Олимпом» перевалил за два часа чистого времени. На табло горело беспощадное: 23:24. Сетбол гостей: они могли сравнять счет по партиям.

В наушниках стоял сухой треск интеркома, сквозь который пробивался оглушительный гул десятитысячной арены «Динамо». На площадке связующий «Олимпа» взвился в воздух, отдавая передачу в четвертую зону. Доигровщик белгородцев вколотил мяч в терафлекс под заднюю линию москвичей. Судья на вышке Анатолий Григорьев тут же вскинул руку, свистком присуждая гостям последнее очко партии.

Мой палец лег на клавишу захвата серверов замедленного повтора, но картинка с шестой камеры, контролировавшей трехметровую разметку внезапно дрогнула и поплыла вверх, уходя на визжащую трибуну.

— Шестая, стоять! Куда панораму рвешь?! — рявкнула я в микрофон гарнитуры, мгновенно поняв причину: оператор уводил оптику по прямой команде из ложи спонсоров.

Не теряя ни доли секунды, я перебила локальный контроль, перехватив управление роботизированной оптической головкой с центральной консоли. Сенсорный джойстик послушно отозвался под пальцами. Картинка метнулась обратно, объектив с фокусным расстоянием четыреста миллиметров врезался в белую трехметровую линию. Я заморозила кадр на мониторе предпросмотра: подошва кроссовки нападающего задней линии на добрых четыре сантиметра вминала трехметровую разметку еще до момента касания мяча! Заступ чистейший, неопровержимый, уничтожающий победный свисток Григорьева.

Тут же в правом наушнике захрипел аварийный служебный канал. Голос генерального продюсера холдинга Игоря Васильева сорвался на визг:

— Соколова! Не смей трогать этот повтор! Повтор заступа в эфир не давать! Гони эмоцию трибун, крупный план плачущих москвичей и уводи трансляцию в рекламу! У тебя три секунды, иначе вылетишь с волчьим билетом!

В висках застучала кровь. Я видела на контрольном экране, как падает на колени капитан москвичей Егор Медведев, как его ладони судорожно сжимают терафлекс, не веря в судебскую слепоту. Десять тысяч людей на трибунах задыхались от несправедливости. А кабинетный трус требовал похоронить правду ради корсаковских конвертов.

— Пошел ты к черту, Васильев, — негромко произнесла я и с сухим щелчком выдернула тумблер селектора. — Канал один, повтор суперслоумо на готовность! Идем в открытый эфир.

Сидевший справа инженер EVS Антон Седов смертельно побледнел, вскочил со стула и с перекошенным лицом рванулся к стойке коммутации:

— Вера, стой! Ты спятила?! Нас обоих под суд отдадут! Родион Корсаков нас закопает!

Он протянул руку к главному оптоволоконному патч-корду микшера Grass Valley, намереваясь выдернуть сигнал. Я среагировала мгновенно: резко выбросила ногу вперед, острым каблуком впечатавшись в мысок его кроссовка, и жестко толкнула Антона плечом в металлическую переборку фургона. Пока он охал, хватаясь за ушибленную ногу, мои пальцы отстучали на сенсорном терминале мастер-пароль шеф-редактора, блокируя внешнее управление портами.

В ту же секунду на верхней панели замигал тревожный транспарант: дирекция арены активировала глушилку радиоканала спутниковой антенны на крыше фургона. Федеральная картинка должна была сорваться в блэкаут. Но они не знали одного: за два дня до серии я лично

настояла на том, чтобы техники пробросили защищенный бронированный оптоволоконный рукав от аппаратной прямо в шахту стадионного медиакуба.

Я с силой перебросила флажок выходного каскада на резервный подземный линк.

— Останкино пытается перебить нас региональной плашкой! — выкрикнул звукорежиссер Митя Поляков из соседнего отсека.

— Не успеют, — процедила я и ударила ладонью по светящейся багровым светом кнопке приоритета «Судейский челлендж».

Огромный четырехсторонний медиакуб под сводами арены вспыхнул ослепительным сверхзамедленным повтором. На огромных экранах отчетливо проступила каждая деталь: синяя синтетика корта, пятка нападающего задней линии «Олимпа» в момент отталкивания и белая полоса, прогнувшаяся под подошвой на сорок два миллиметра. Графическая станция автоматически наложила яркую алую лазерную линию отсечки.

Чаша арены на секунду онемела, а затем взорвалась оглушительным ревом десяти тысяч глоток. Трибуны затопил яростный свист, топот ног и единый крик: «Позор! Судью на мыло!». Инспектор матча от Всероссийской федерации волейбола полковник Виктор Воронов вскочил со своего места в первом ряду и с размаху опустил желтый флаг перед носом арбитра.

Григорьев на вышке побелел так, словно его окатили ледяной водой. Под прицелом ревущего стадиона у него мелко затряслись губы. Он судорожно выплюнул свисток, опустил руку и показал жест заступа за линию.

Очко перешло «Локомотиву». Счет сравнялся: 24:24!

Я откинулась на спинку кресла, шумно выдохнув воздух. В динамике внутренней связи раздалось мертвое шипение Васильева:

— Ты подписала себе приговор, Соколова. Ты уволена прямо сейчас. С волчьим билетом на всю страну.

Я сняла гарнитуру с левого уха, бросив ее на пульт:

— Зато счет честный, Васильев. Не мешай работать.

* * *

На площадке творилось безумие. Счет 24:24 означал игру на больше-меньше, где каждая подача стоила путевки в полуфинал. Но в первом же розыгрыше беда настигла москвичей: основной доигровщик «Локомотива», блокируя атаку по диагонали, неловко приземлился на край чужой кроссовки и рухнул на терафлекс, держась за вывернутый голеностоп.

Врачи унесли парня на носилках под аплодисменты зала. Главный тренер москвичей заметался вдоль боковой линии: все профильные доигровщики были травмированы, выпускать необстрелянного юниора означало верное поражение.

Я перевела третью камеру на капитанский мостик у сетки.

Егор Медведев подошел к тренеру вплотную. Два метра восемь сантиметров чистого графита, широченные плечи, темные мокрые волосы, прилипшие ко лбу. Он положил тяжелую ладонь на плечо тренера и коротко, властно показал пальцами схему «пять-один». Медведев брал на себя блокирование двух смежных зон одновременно, закрывая сетку в одиночку.

— Первая камера, укрупни капитана, — скомандовала я. — Полтора зума на глаза.

Лицо Егора заняло весь центральный монитор. Нападающие белгородцев по ту сторону сетки нагло ухмылялись, видя брешь в обороне хозяев. Но на лице Медведева не дрогнул ни один мускул. Его серые стальные глаза смотрели на соперников с такой ледяной уверенностью, что у меня перехватило дыхание. В этом взгляде была лишь готовность перемолоть любого, кто встанет на пути.

Юниор вышел вместо травмированного и закрыл заднюю линию. Возобновленный розыгрыш мы вытащили защитой — 25:24. Теперь у нас был матчбол.

Мяч взлетел на подаче. Связующий «Олимпа» принял идеальную доводку и увел взгляд влево, имитируя мягкий сброс во вторую зону.

— Не покупайся, первая! — закричала я в микрофон. — Держи Медведева! Он не пойдет на край!

Это было чистое режиссерское чутье: капитан даже не дернулся на ложный маневр связи. А в следующую секунду диагональный гостей с яростным ревом вылетел из глубины площадки на стремительный пайп. Скорость его разбега превышала двадцать километров в час, ударная рука взвилась кованым молотом, целясь в коридор.

И тогда взлетел Егор.

Казалось, гравитация над ареной перестала существовать. Великан взмыл над белым тросом на фантастическую высоту съема — триста семьдесят сантиметров. На этой космической высоте его огромные ладони раскрылись, раскинувшись на два с половиной метра размаха рук. Он закрыл собой весь горизонт нападающего, превратив сетку в глухую железобетонную стену.

Пушечный звук удара мяча о предплечья Медведева эхом прокатился по залу. Мяч предательски срикошетил в сторону бокового аута. Сердце ухнуло вниз: неужели аут?!

Но на сверхзамедленном повторе я увидела то, что было доступно только моей камере: в момент касания Егор неуловимым движением кистей повернул ладони внутрь корта. Мяч изменил вектор и со звонким треском впечатался в терафлекс прямо под кроссовки нападающего «Олимпа».

Мертвый блок. Абсолютный триумф одиночки.

Финальная сирена утонула в грохоте десяти тысяч голосов. Табло вспыхнуло счетом: 26:24 в четвертом сете и 3:1 в матче! «Локомотив» вырвал путевку в полуфинал! «Олимп» еще мог выйти из группы вторым, но отнять эту победу у нас уже не мог.

Вся скамейка запасных москвичей хлынула на площадку в неистовой куче-мале. Мои пальцы, подрагивая от адреналина, вбили в панель финальную графическую заставку.

И в этот момент капитан команды развернулся спиной к празднующей толпе.

Егор Медведев стоял у судейской вышки, тяжело дыша. Футболка на мощной груди вздымалась, капли пота стекали по скулам на терафлекс. Он медленно поднял голову и посмотрел прямо в объектив первой камеры — туда, где над площадкой вспыхнули финальные титры прямого эфира.

На медиакубе золотыми буквами горело: «Главный режиссёр трансляции — Вера Соколова».

Егор замер, вглядываясь в буквы моего имени. Его тяжелый, пронзительный взгляд словно пробил толщу оптического стекла, километры проводов и борт станции, ударив мне прямо в грудь. Сквозь шум зала между нами натянулась невидимая струна. Он знал, кто спас этот матч. А я знала, кто сотворил чудо на высоте трехсот семидесяти сантиметров.

Глава 2

Арена постепенно пустела. Огни в чаше стадиона начали гаснуть, погружая трибуны в холодный серый полумрак. В аппаратной горели только контрольные дисплеи. Я сидела перед пультом, торопливо скидывая многокамерные видеофайлы матча с таймкодами на внешний защищенный накопитель — металлический брусок с шифрованием. Эти исходники позволяли доказать честную игру; вместе с записью судейского канала они могли вывести нас на сговор.

Внезапно в гарнитуре раздался испуганный шепот Мити из коммутационного отсека:

— Вера... К фургону с пандуса спускаются трое. В черных куртках, с рациями. Охрана Корсакова. Они идут сюда.

Холодная волна прокатилась по спине. Корсаков не стал ждать утра.

Шкала копирования застыла на сорока процентах. Я попыталась форсировать передачу копии по FTP на независимый сервер, но экран выдал ошибку: холдинг централизованно перерубил наш интернет-шлюз.

— Митя, слушай меня! — шепнула я, удерживая голос от дрожи. — Они пришли за серверами EVS, видео им нужно уничтожить в первую очередь. Хватай автономный аудиорекодер Zoom! Подключайся по аналогу прямо в распределительную коробку судейского радиоканала на задней стенке! Пиши интерком арбитров, пока они не обесточили стойку!

В тамбуре ПТС раздался металлический лязг: двое неизвестных поднялись по ступеням и с силой дернули за ручку двери. Дверь держалась на внутреннем засове, но стальной лист прогнулся под ударами.

В этот момент в проходе появился Антон. Инженер был бледен, его колотила дрожь, но в глазах плескался отчаянный стыд за недавнюю слабость. Увидев, как ручка двери ходит ходуном, он стиснул зубы, подхватил тяжелый алюминиевый кейс с осветительными стойками и швырнул его прямо в открытую створку тамбура. Кейс с грохотом рухнул с пандуса прямо под ноги нападавшим. Треск ломающихся ламп, отборный мат и звуки возни — Антон выиграл нам драгоценные полминуты.

Этого хватило. Митя метнулся к стене, на ощупь вонзил штекер в гнездо судейской базы и зажал кнопку записи. На дисплее портативного рекордера замигала красная точка.

В наушниках звукорежиссера зазвучал сорванный голос судьи Григорьева:

— ...Корсаков звонил трижды! Он предупреждал, что Соколову нельзя подпускать к пульту! Я свистнул победу, как договаривались, но эта стерва вывела сигнал прямо на медиакуб в обход эфирного узла! Я ничего не мог сделать! Весь зал видел заступ!

Прямое признание заказного судейства и взятки ложилось на несгораемую флешку побайтно, секунда за секундой.

Вдруг под потолком фургона сухо шелкнуло, и свет погас. Бандиты перерубили силовую кабель питания, обесточив внешнюю фазу. Стационарные компьютеры отключились, экраны видеостены ослепли. Но компактный металлический корпус Zoom в руках Мити мягко светился: встроенные аккумуляторы держали заряд, продолжая сохранять чистый несжатый WAV-файл.

— Запись зафиксирована, — выдохнул Митя.

— Вытаскивай флешку! Быстро!

Звукорежиссер шелкнул слотом, вытащил крошечный прямоугольник microSD и спрятал его в потайной кармашек войлочной подкладки чехла от петличных микрофонов.

Я подобралась к монитору резервного питания от батареи рабочей станции и активировала картинку с ночной уличной камеры:

— Митя, они сейчас высадят дверь тамбура. Уходи через ревизионный люк за климатической установкой. По узкому проходу за фургоном выберешься к служебному КПП северного сектора. Беги к метро, флешку никому не отдавай, пока я не свяжусь с тобой.

Антон первым протиснулся в люк и придержал крышку. Митя посмотрел на меня с тревогой:

— А ты, Вера?

— Со мной они ничего не сделают на территории арены. Уходи!

Митя скользнул в узкую щель нижнего люка и исчез в лабиринте коммуникаций. На резервном дисплее копирование наконец завершилось. Я осталась в отсеке одна. Засунув тяжелый корпус SSD-диска с видеоисходниками в глубокий внутренний карман куртки, я застегнула молнию под самое горло.

В следующую секунду дверь аппаратной содрогнулась от сокрушительного удара ломом.

* * *

Замок не выдержал. Металлическая дверь со скрежетом распахнулась, и в темную аппаратную ворвался холодный ночной воздух вперемишку с запахом табачного перегара.

В проеме выросла фигура начальника службы безопасности Корсакова — Олега Громова. Черное драповое пальто, квадратная челюсть, глаза цвета болотной жижи. Следом за ним протиснулись двое подручных, один из которых пинком снес режиссерский стул, отрезая мне путь к запасному выходу.

Громов сделал шаг вперед, тяжело нависая надо мной:

— Ну что, режиссерка, доигралась в правдолюбку? Где мастер-диски с повторами? Быстро на стол, если не хочешь, чтобы твое личико превратилось в отбивную.

Я стояла перед ним, упираясь поясницей в холодное ребро серверной стойки:

— Вы находитесь на территории передвижной станции независимого вещательного пула. Все оборудование опечатано по международному регламенту. Тронете хоть один носитель — сядете за вооруженный грабеж группой лиц.

Громов злорадно осклабился, вытащив из кармана пальто лист бумаги с липовой печатью:

— Вот тебе предписание на изъятие аппаратуры в связи со сбоем. Подписано твоим любимым Васильевым. Так что диск сюда, живо!

— Подделку можешь засунуть своему шефу в карман, — ровно ответила я.

Его лицо перекосило от бешенства:

— Ах ты дрянь упрямая...

Он сделал выпад, его толстые пальцы сомкнулись на моем правом запястье с такой силой, что прострелило сустав. Боль обожгла руку до плеча. Другой рукой он с размаху замахнулся, намереваясь ударить меня наотмашь по лицу.

Я зажмурилась, инстинктивно втянув голову в плечи, но спрятанный в кармане накопитель оставался со мной.

Удара не последовало.

Вместо этого раздался глухой звук перехваченного движения, словно кулак врезался в гранитную плиту. А затем — свистящий треск ломаемых костей и нечеловеческий вопль Громова.

Я распахнула глаза.

Весь дверной проем заслоняла исполинская фигура.

Егор Медведев стоял передо мной, закрывая своей спиной от нападавших. Он еще не успел переодеться после игры: форма «Локомотива», мокрая от пота ткань обтягивала мышцы плеч, на шее висело полотенце. Его правая рука — гигантская ладонь блокирующего — намертво сжимала кулак Громова, превращая суставы в кашу.

Громов, скуля от боли, опустился на колени на рифленый пол.

Второй бандит выхватил телескопическую дубинку и со всей дури хлестнул Егора сбоку по ребрам. Раздался тяжелый глухой звук. Любой другой рухнул бы с переломанными ребрами, но Медведев даже не шелохнулся. Лишь желваки на его челюсти очертились резче.

Капитан коротко выбросил левое предплечье наотмашь. Удар пришелся бандиту в челюсть с такой чудовищной инерцией, что того оторвало от пола и со всего размаха впечатало затылком в стальную переборку. Мужчина сполз по стенке бесформенной грудой.

Громов, воя от боли в раздробленной кисти, левой рукой полез во внутренний карман за травматическим пистолетом.

Егор не стал ждать. Он схватил главаря одной рукой за воротник пальто, а другой — за кожаный ремень, с пугающей легкостью оторвал стокилограммового мужика от пола, шагнул к выходу и одним слитным движением выбросил его в темноту. Громов с криком пролетел два метра над пандусом и с глухим грохотом шлепнулся на асфальт служебного двора.

Третий подручный, стоявший у ступеней, в ужасе бросил рацию под колеса и со всех ног припустил по темному проезду в сторону проспекта.

В фургоне повисла звенящая тишина. Слышно было только прерывистое дыхание капитана и свист ветра за открытой дверью.

Егор медленно развернулся ко мне.

Его грудь тяжело вздымалась. На скуле темнела ссадина, а на левом боку, куда пришелся удар дубинки, уже наливался багровый след. Он окинул взглядом мое бледное лицо, растрепанные волосы, затем посмотрел на запястье, на котором багровели следы пальцев. В его серых глазах вспыхнуло такое первобытное защитное бешенство, что воздух в тесной аппаратной словно наэлектризовался.

Он не стал задавать вопросов. Егор стянул с вешалки у двери свою огромную зимнюю клубную куртку — тяжелую, темно-синюю, с вышитым золотом номером четырнадцать на спине. Пахнувшая морозным воздухом, хвоей и чистым мужским потом, эта вещь опустилась мне на плечи, укутав меня словно броней. Ее подол достал мне почти до колен, а рукава полностью скрыли кисти.

Егор шагнул ближе. Его горячие ладони легли мне на плечи поверх плотной ткани куртки, слегка сжав их. От этого прикосновения сквозь меня прошла волна густого согревающего жара, выжигая остатки ледяного ужаса.

Он наклонился ко мне, и его низкий густой бас прозвучал прямо над моим ухом:

— Ты спасла мою команду, Вера. Спасшую меня женщину никто в этом городе не посмеет тронуть. Ты со мной. Слышишь?

Я подняла глаза, глядя в его суровое мокрое лицо, и сдавленно кивнула. Дрожь в коленях начала отступать.

Глава 3

Мы выскользнули из фургона на холодный бетонный пандус. Мелкий колючий дождь хлестал по лицу, но под тяжелой курткой Егора мне было тепло, словно за каменной стеной. Я крепко прижимала к груди сумку с ноутбуком и заветным металлическим диском.

Снизу, у выезда с охраняемой территории арены, мелькнули лучи фар. Два черных тонированных седана перегородили центральный шлагбаум.

— Туда нельзя, — шепнула я, дернув Егора за рукав. — Васильев дал команду охране заблокировать выезды. Но я знаю коммуникации: за холодильным цехом ледовой площадки есть технологический проезд к пожарным воротам северного тупика! Там гравийная насыпь, легковушки застрянут, а твой джип пройдет!

Егор коротко кивнул. Но когда мы ступили на крутой спуск мокрого пандуса, у меня подкосились колени — запоздалый откат нервного срыва ударил по мышцам. Я покачнулась, теряя равновесие на бетоне.

Егор среагировал мгновенно: подхватил меня под мышки, легко оторвал от земли и бережно прижал к своей широкой груди, словно я весила не больше пушинки. Моя голова уткнулась в изгиб его шеи; я почувствовала кожей биение его пульса и терпкий запах соснового бальзама, которым растирали его натруженные плечи. Он нес меня быстрыми шагами прямо к закрытому боксу, где стоял его личный черный Land Cruiser с высоким клиренсом.

Он посадил меня на переднее сиденье, захлопнул тяжелую дверь и прыгнул за руль. Дизельный двигатель взревел низким басом.

Как только внедорожник выскочил из бокса на служебную дорожку, из-за угла трансформаторной будки наперерез сорвался один из черных седанов Корсакова. Водитель попытался вжать нас в кирпичную стену подстанции.

— Держись! — бросил Егор.

Он не стал тормозить. Напротив — вжал педаль газа до упора. Тяжелый внедорожник взревел, и кованый силовой бампер с чудовищным скрежетом врубился в переднее крыло вражеского седана. Легковушку отбросило в сторону, развернуло на мокрой траве и впечатало в баки. Мы вылетели через распахнутые пожарные ворота прямо на пустынный боковой проезд.

В зеркале заднего вида зажглись ксеноновые огни второй машины преследования. Бандиты не отставали, повиснув на хвосте.

Егор вел машину с хладнокровным мастерством. В темноте, при свете одних лишь габаритов, он свернул на неосвещенную техническую трассу вдоль промзоны Химок. На спидометре стрелка перевалила за сто сорок километров в час. Серия резких перестроений между бетонными заборами складских терминалов, поворот на заброшенный железнодорожный переезд без торможения — и фары преследователей безнадежно потерялись в пелене дождя.

Погоня отстала.

Мы выскочили на темное шоссе, уходящее на север от столицы. В салоне джипа стало тихо, только мерно шуршали по стеклу дворники.

Меня накрыла запоздавшая нервная дрожь. Зубы выбивали чечетку, пальцы свело судорогой. Я обхватила себя руками, не в силах вздохнуть полной грудью.

Егор скосил глаза, заметил моё состояние и щелкнул кнопкой максимального подогрева сиденья. Затем свободной рукой достал из подстаканника бутылку негазированной воды, зубами сорвал пластиковую крышку и протянул мне:

— Пей маленькими глотками. Давай, Вера.

Я сделала несколько жадных глотков, чувствуя, как холодная влага остужает пересохшее горло.

Тогда Егор снял правую руку с руля и опустил свою тяжелую широкую ладонь прямо поверх моих сведенных пальцев. Его ладонь была горячее, сухой и шершавой от волейбольных мозолей. Она накрыла обе мои кисти целиком, отдавая свое ровное несокрушимое тепло.

— Дыши глубже, — тихо сказал он, глядя на темную ленту дороги. — Всё закончилось. Мы оторвались. Ты в безопасности.

От звука его голоса и тепла этой огромной ладони дрожь внутри меня стала медленно угасать. Я прислонилась виском к прохладному стеклу, чувствуя, как дикое напряжение сменяется сладкой усталостью.

Через сорок минут внедорожник свернул с освещенного шоссе на узкую асфальтовую дорогу, петляющую сквозь глухой сосновый бор. Впереди показался высокий забор с камерами по периметру и массивный шлагбаум.

Контрольно-пропускной пункт закрытой олимпийской базы «Новогорск».

Из теплой караулки вышел офицер ведомственной службы безопасности Министерства спорта РФ в черной униформе. Его внимательный взгляд скользнул по помятому бамперу внедорожника и замер на мне.

— Доброй ночи, капитан, — строго произнес дежурный, не поднимая шлагбаума. — Вашу машину вижу. Кто пассажирка? Посторонним вход на территорию базы олимпийского резерва строжайше запрещен специальным регламентом.

Егор опустил стекло до упора и протянул офицеру капитанское удостоверение члена национальной сборной России:

— Со мной главный аналитик и руководитель видеогруппы команды, — спокойно и твердо отчеканил Медведев, глядя прямо в глаза дежурному. — Мы прибыли по экстренному распоряжению тренерского штаба перед сборами. Я беру полную персональную ответственность за ее нахождение на объекте. Оформляй разовый спецпропуск под мою личную роспись.

Офицер ведомственной охраны заглянул в салон, встретился с непреклонным взглядом Медведева, затем козырнул:

— Принято, Егор Андреевич. Проезжайте к девятому коттеджу. Завтра утром завезете заявление в секретариат комендатуры.

Шлагбаум плавно пополз вверх.

Тяжелый внедорожник медленно покати по узкой асфальтовой аллее, окруженной исполинскими вековыми соснами. Городской гул, вой сирен и грязный смог Москвы остались далеко позади. Здесь стояла первозданная хвойная тишина, нарушаемая лишь редким падением дождевых капель на плотный ковер из рыжих иголок. Пахло влажным мхом, смолой и чистым морозным кислородом.

Машина мягко затормозила у крыльца двухэтажного рубленого бревенчатого коттеджа, спрятанного в глубине соснового массива. Егор заглушил мотор. В салоне воцарился полный покой.

Он повернулся ко мне. В полумраке салона его серые глаза казались почти черными, глубокими и близкими:

— Сюда люди Корсакова не сунутся, Вера. Здесь ведомственный режим, закрытый периметр и законы Минспорта. А главное — пока ты здесь, со мной, ни одна тварь к тебе даже пальцем не прикоснется. Пойдем в дом. Тебе нужно согреться и поспать.

Я посмотрела на него — на этого огромного, несокрушимого мужчину, закрывшего меня собой от целого криминального синдиката, — и впервые за весь этот бесконечный кошмарный день тихо улыбнулась.

Мы вышли из машины, ступив на мягкие хвойные иглы ночного Новогорска, вдыхая густой смолистый воздух тишины. Сан Саныч ждал на крыльце: Егор успел позвонить ему в дороге. Доктор осмотрел мой ушиб и бок капитана, велел утром явиться в медблок и только после этого отпустил нас спать.

* * *

Я проснулась от глухого, размеренного гула, сотрясавшего бревенчатые стены коттеджа. Бум. Пауза в две секунды. Снова тяжелый, хлесткий удар, отдающийся в деревянных балках пола.

За окном сквозь плотный утренний туман проступали силуэты вековых сосен. Часы на прикроватной тумбочке показывали половину седьмого утра. Ночной кошмар с разбитыми дверями передвижной станции, воплями Васильева и визгом тормозов в промзоне Химок казался далеким наваждением. Здесь, на закрытой олимпийской базе «Новогорск», воздух был густым, влажным и пах мокрой смолой, хвоей и чистым первым заморозком.

Я натянула теплый шерстяной свитер, джинсы и спустилась по скрипучим ступеням крыльца. Ритмичный звук ударов вел меня через пустынную аллею прямо к приземистому тренировочному манежу сборной.

Тяжелая металлическая дверь поддалась с мягким щелчком. Я шагнула внутрь и замерла на пороге.

Огромный зал с сине-оранжевым терафлексом был залит белесым рассеянным светом раннего утра. Ни тренеров, ни массажистов, ни мячеподателей. На площадке был только один человек.

Егор Медведев отрабатывал облегченный нападающий удар с разбега. На скамье лежал его тяжелый пятнадцатикилограммовый жилет с чугунными пластинами-утяжелителями — сегодня Сан Саныч запретил надевать его. Мышцы его спины и плеч перекачивались под мокрой майкой литыми узлами. Разбег — три мощных, сотрясающих покрытие шага, взрывной стопорящий толчок и взлет над сеткой. В воздухе раздался звук, похожий на выстрел карабина: гигантская ладонь впечатала мяч в терафлекс по ту сторону троса.

Я сделала осторожный шаг к дубовой лестнице, ведущей на балкон прессы, не желая сбивать его тренировочный темп, но ступень под моим ботинком предательски скрипнула.

Егор приземлился, мгновенно развернулся на носках и опустил руки. С его взмокших висков катился пот, тяжелая грудь вздымалась под мокрой майкой. На секунду его лицо показалось суровым и отрешенным, но стоило ему увидеть меня, как жесткая складка между бровей разгладилась, и в серых глазах вспыхнул теплый, согревающий свет.

— Доброе утро, Вера, — его низкий, чуть хриплый голос заполнил тишину пустого зала.

— Доброе утро... — я неловко остановилась у перил. — Прости, пожалуйста. Я нарушила твой график. Мне нужно было остаться в коттедже.

Егор убрал жилет со скамьи на пол и пошел мне навстречу. Каждый его шаг был легким и пружинистым, несмотря на сто десять килограммов боевого веса.

— Ничего ты не нарушила, — он остановился в шаге от меня, глядя сверху вниз с высоты своих двух метров восьми сантиметров. — Я закончил серию. И, честно говоря, ждал, когда ты спустишься.

Я внутренне сжалась, ожидая тяжелых мужских расспросов о вчерашнем разгроме аппаратной, о Корсакове, о том, какую цену нам обоим придется заплатить за честный повтор. Но вопреки моим тревогам Егор повернулся к скамье, достал из спортивной сумки массивную двухлитровую стальную термокружку с армейским карабином на ручке и бережно протянул ее мне:

— Держи. Сан Саныч заварил на рассвете. Чабрец, липовый цвет и таежный мед. Тебе нужно согреться.

В этот момент из вентиляционной шахты под потолком потянул сквозняк. Я невольно передернула плечами от утренней сырости зала.

Заметив это движение, Егор нахмурился, одним движением снял со скамьи свою огромную темно-синюю клубную куртку и набросил мне на плечи. Вещь была огромной — подол

опустился мне почти до щиколоток, рукава закрыли пальцы, но внутри нее сохранялось плотное, живое тепло его тела, пахнущее кедровой баней и хвоей. Холод отступил мгновенно.

Мы сели рядом на массивную дубовую скамью у самой кромки корта.

— Я всю ночь вздрагивала, — тихо призналась я, глядя, как пар поднимается над термокружкой. — Слышала, как сосновые ветки скребут по крыше, и мне казалось, что люди Корсакова уже ломают замок.

Егор придвинулся ближе. Под его весом тяжелая деревянная балка скамьи чуть заметно просела. Его горячее плечо надежно прижалось к моему, отсекая все сквозняки мира:

— В Новогорске периметр наглухо закрыт ведомственной охраной Минспорта, Вера. Сюда даже мышь без служебного допуска не проскочит. А здесь, в зале, есть только ты и я. Выдыхай.

Я сделала большой глоток. Обжигающий, терпкий настой с медом разлился по телу сладкой волной. Опустив кружку на колени, я невольно посмотрела на наши руки. Моя узкая ладонь с тонкими пальцами монтажера лежала рядом с его кистью. Богатырская лапища Егора была вдвое шире моей — с утолщенными суставами, старыми шрамами и жесткими волейбольными мозолями на фалангах. Этот ошеломляющий контраст размеров не пугал, а рождал пьянящее, забытое чувство абсолютной женской защищенности.

Егор закинул полотенце на шею и поднялся:

— Капитанский закон базы прост: сначала горячая каша на овсяном молоке и покой, потом всё остальное. Пойдем завтракать, Вера. Ты теперь на моем довольствии.

Глава 4

После завтрака в пустой столовой Егор ушел на медицинские процедуры, а я вернулась в коттедж разобрать ноутбук. Но через час мне понадобились антисептические салфетки и эластичный бинт: ушибленное вчера запястье противно ныло.

Дверь в медицинский блок базы была приоткрыта. В воздухе стоял стойкий больничный дух: эвкалипт, камфора, спирт и согревающий ментол.

Я тихо заглянула внутрь и замерла.

Доктора Сан Саныча на месте не было — видимо, ушел в аптечный склад. А на высокой кушетке сидел Егор. Он был раздет по пояс. Вблизи его фигура напоминала ожившую античную скульптуру из темного мрамора: рельефная грудь, косые мышцы пресса, мощнейшие дельты. Но левое плечо капитана и безымянный палец левой кисти заметно припухли и покраснели после вчерашней сечи на блоке.

Егор тихо рычал сквозь зубы, пытаясь зубами оторвать конец широкой эластичной ленты и поправить повязку на ушибленном пальце вслепую. Лента выскальзывала, он злился, желваки ходили ходуном.

— Давай я помогу, — тихо сказала я, переступая порог. — Ты слишком туго тянешь. Уже след остается.

Егор вздрогнул, попытался спрятать руку за спину и смущенно повел плечом:

— Вера... Не надо. Пальцы как деревянные, в ссадинах и содранной коже. Тебе неприятно будет с этим возиться.

— Перестань, — я решительно пододвинула винтовой круглый табурет и села вплотную к кушетке. — Я шесть лет монтирую телевизионные кабели и оптические разъемы прямо на морозе. Мои руки умеют работать с точностью до десятой доли миллиметра.

Я взяла рулон профессионального перфорированного кинезиотейпа и острые медицинские ножницы. Аккуратно отрезав две полосы с закругленными краями, я взяла его огромную, горячую руку в свои ладони.

Пальцы Егора были шершавыми и жесткими, но стоило моим пальцам коснуться его кожи, как он замер, словно боясь шелохнуться. Я придержала конец ленты, пока он сам поправлял привычную повязку. Перестала тянуть, едва Егор кивнул. Егор перестал дергать рукой и осторожно пошевелил пальцами.

— Легче? — подняла я глаза.

— Намного... — хрипло выдохнул он.

— А теперь дождемся врача. Повернись спиной к свету, я хотя бы посмотрю.

Егор послушно развернулся. И тогда я увидела его.

По задней поверхности левого плечевого сустава, пересекая рельефную дельтовидную мышцу, тянулся длинный, белесый, рваный хирургический рубец длиной сантиметров в пятнадцать.

Мои пальцы сами потянулись к этой отметине. Кожа рубца была плотной и прохладной. Едва я коснулась его кончиками пальцев, по мощной спине Егора пробежала мелкая дрожь. Он судорожно втянул воздух сквозь зубы.

— Больно? — испугалась я, готовая отдернуть руку.

— Нет... — он не оборачивался, но голос его звучал глухо. — Не больно. Просто... никто никогда не трогал этот шрам так бережно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.